

Хренов Н.А.

Публичность в ее традиционных и виртуальных формах как феномен культуры. Статья первая.

Аннотация: Предметом исследования в данной статье являются природа и функции публичности как феномена культуры. Однако осмысление публичности в работе имеет четкие хронологические рамки, а именно, в ней прослеживается возникновение новой формы публичности в городах Нового и Новейшего времени. Если воспользоваться социологическим подходом, то возникновение и становление новой формы публичности связано с переходом от доиндустриальных обществ к обществам индустриальным. Поколения второй половины XX века столкнулись уже с переходом иного плана – переходом от индустриального общества к постиндустриальному обществу. Что касается публичности в городах Нового времени, то в ней сохраняется многое от традиционных ее форм. Но постепенно с появлением массовой коммуникации, возникающей на технологической основе, публичность утрачивает традиционные формы, становясь выражением виртуализации пространства. Автор пытается вскрыть антропологические признаки публичности как в ее традиционных, так и в виртуальных формах. Основным методологическим подходом к анализу публичности является социологический подход. Однако привлекается также историко – генетический подход. Привлекаются наблюдения социологов и культурологов, исследующих ранние формы социума. Автор убежден, что возникшие на ранних этапах истории архетипические дуальные формулы могут активизироваться и на поздних этапах социума. В качестве примера этого тезиса приводится извлеченная из древнерусских летописей игровая оппозиция между великороссами и малороссами. Новизна предпринятого исследования заключается в рассмотрении в качестве объекта исследования разных форм публичности, начиная с существовавших в архаических обществах смеховых обрядов, поведения купцов на ярмарках, дворянских и купеческих клубов и кончая формами публичности, реализуемыми в виртуальных формах. Автор пытается выявить такие признаки публичности, как театральность, зрелищность, ее игровая и праздничная природа. Особое значение в статье придается отношениям между социумом и театром.

Ключевые слова: Публичность, публичное пространство, дуальность, театральность, эмоциональный дефицит, эмоциональный контакт, праздничность, идентичность, социум, масса.

Review: The subject of the present research is the nature and functions of publicity as a cultural phenomenon. However, the concept of publicity as it is viewed by the author of the article has a very distinct chronological framework. In particular, the author views the process of creation of a new form of publicity in the cities of the Modern and Contemporary Periods. If we apply the sociological approach to the matter, we can see that the creation and development of a new form of publicity relates to the transfer from the pre-industrial society to the industrial society. Generations of the second half of the XXth century have already faced another kind of transfer, i.e. the transfer from the industrial society to the post-industrial society. As far as publicity in the cities of the Modern Period are concerned, it retains most of its traditional forms. However, as public communications develop based on new technologies, publicity loses its traditional forms and becomes an expression of space virtualization. The author tries to define anthropological features of publicity both in traditional and virtual forms. The main methodological approach to the analysis of publicity is the sociological approach. In addition, the author has used the historico-genetic approach. Khrenov has also appealed to observations made by experts in social and cultural studies who study early forms of the society. The author of the article believes that archetypical dual formulas that appeared at the early stages of history can become active at the later stages of the social development. As an example, the author analyzes the playful opposition between Great Russians and Lesser Russians described in ancient Russian chronicles. The novelty of the research is caused by the fact that as a research object the author views different forms of publicity starting from archaic funny rituals, behavior of merchants

Историческая культурология и история культуры

at fairs, noble and merchant clubs and ending with publicity forms realized in virtuality. The author tries to define and specify such features of publicity as theatricism, spectacularity, playful and festive nature. Special attention is paid to the relation between the society and theatre.

Keywords: *Publicity, public space, duality, theatricism, emotional deficiency, emotional contact, festivity, identity, society, public.*

1. Публичное пространство в физическом, географическом и коммуникативном измерении.

Предмет нашего исследования – публичное пространство, под которым следует понимать, прежде всего, место, предназначенное для общения и взаимодействия большого скопления людей, т.е. публики. Может быть, еще более точным определением публичного пространства будет место, в котором получает выражение потребность социума в любых, т.е. в ранних и поздних его формах в свободном и непосредственном взаимодействии между людьми вне их производственной или повседневной (семейной) жизни.

В своих ранних или архаических и традиционных формах публичное пространство предстает в виде места совершения коллективных и праздничных обрядов и ритуалов. В своих поздних формах оно обычно связано с празднованием значимых для всего государства памятных событий. Таким образом, это некое физическое пространство, наделяемое в местах проживания людей коммуникативным смыслом. Но это будет не просто физическое, а географическое пространство, т.е. какое-то место внутри конкретного поселения в его сельских или городских формах. Такое поселение находится в какой-то конкретной стране и на какой-то территории, в какой-то части этой страны с присущими ей местными культурными особенностями.

Предполагается, что такое пространство объединяет население определенного поселения, будь то деревня или город. Это место, в котором манифестируется единство проживаемого на данной территории сообщества. Оно и возникает для того, чтобы все жители непременно собирались в одном месте, как бы демонстрируя свою общность в ее самом элементарном, непосредственном, физическом проявлении. По сути, то, что предстает публичностью, является реликтом такого раннего социума, когда все во-

просы, которые потом будут решаться такими дифференцирующимися институтами, как парламент или суд, разрешаются при физическом присутствии всех жителей поселения в каком-то конкретном месте. Это нечто вроде вече. Потом, по мере развития и усложнения социума значимые политические, юридические и т.д. функции будут осуществляться специальными институтами. Публичность превратится в чистый ритуал, в зрелище, в досуговый и, еще более точно, художественный феномен.

Какая-то часть общества, освобожденная от производственной деятельности, будет иметь больше возможности для демонстрации публичной жизни. Этому феномену Т. Веблен посвятил целое исследование о праздном классе [1], выключенном из производственной деятельности и преуспевшем в утверждении разных форм публичности. В данном случае публичность будет формой проявления праздности. Хотя следовало бы избегать вкладываемого в понятие праздности отрицательного смысла. Как продемонстрировало русское дворянство, стихия праздности стала стихией возникновения новых форм, которые сначала представляли чистую игру, а затем трансформировались в разновидность художественной деятельности.

2. Коммуникация в публичном пространстве как диалоговая коммуникация.

Заявив о том, что публичное пространство является формой коммуникации и о том, что это наиболее архаическое образование, попробуем более точно понять его коммуникативный аспект. Ключом к выявлению публичного пространства как пространства специфической коммуникации будет диалог. В публичном пространстве люди не просто собираются вместе, но вступают между собой в диалогические отношения. Но даже если этот диалог в его непосредственном проявлении отсутствует, все равно он предполагается.

Конечно, здесь не может не возникнуть вопроса о том, что публичная демонстрация общности закрепляет и поддерживает чувство «мы», которое, как доказывал Б. Поршневу, подразумевает, что где-то, на другой территории существует противостоящее «мы» другое сообщество, которое можно называть «они». Это не всегда в физическом пространстве наблюдаемое, но всегда подразумеваемое «они» является в консолидации «мы» решающим. Не случайно фольклор и этнография сохраняют информацию о взаимных игровых и, еще более точно, обрядовых и смеховых состязаниях.

Как показал К. Леви – Строс, общества имели дуальное строение, что закреплялось именно пространственно [2]. Такая дуальность как раз и предстает в противопоставлении одних фратрий (мы) другим (они). Такая дуальность пронизывает публичную жизнь раннего социума, о чем превосходно пишет А. Золотарев. Так, во время различных публичных церемоний, например, в обрядовом танце его участники делятся в зависимости от фратриальной принадлежности на две партии. Между ними возникает состязательность, которая может проявляться в столкновениях.

В таких обрядах принимают участие не только мужчины, но женщины. «Во время некоторых обрядов – пишет А. Золотарев – женщины разных половин образуют две противоположные партии, вступающие в ожесточенные пререкания. Они кричат: «Вы, люди другой части деревни, тощи и покрыты грязью. Когда вы околаете, мы заберем ваших мужей. Они будут спать с нами, а не с вами» [3].

В своей книге о структуре архаического общества А. Рэдклифф – Браун уделяет внимание именно этой дуальности, которая отчасти получает отражение в серьезных, а отчасти в шуточных, смеховых формах. В данном случае смех и подшучивание способны снять напряженность и конфликтность. «Подшучивание или недозволенная непочтительность – пишет он – происходит не всерьез и не воспринимается враждебно» [4]. Имея в виду значимость реализуемого и в обрядности, и в пространстве, и в жизни дуального принципа, можно утверждать, что проявления публичности развертываются в форме диалогических отношений. Даже если «они» непосредственно и не при-

нимают участия в обрядовых церемониях, все равно их существование учитывается.

Известно, например, какие взаимные претензии существовали у жителей разных городов средневековой Руси. Об этом свидетельствует множество сказаний, пословиц, шуток и анекдотов [5]. В качестве такого примера диалоговой коммуникации приведем пример из древнерусской письменности. В «Повести временных лет» мы можем прочесть о путешествии апостола Андрея в Рим. Его путь, как утверждает автор, лежал через то место, где потом возникнет город Киев. «И случилось так, что он (апостол Андрей – Н. Х.) пришел и стал под горами на берегу. И утром, встав, сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? Так на этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей». И взойдя на горы эти, благословил их и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии будет Киев, и пошел вверх по Днепру» [6].

Однако выясняется, что апостол Андрей проходил не только мимо будущего Киева, но и посетил еще Новгород. Из всего, что он увидел в Новгороде, он выделил только один обычай – как «моются» и «хлещутся» новгородцы в бане. Более того, это апостола так поразило, что когда он, придя в Рим, делился своими впечатлениями, то с новгородцами он связывал именно этот обряд. «Диво видел я в славянской земле, когда шел сюда. Видел бани деревянные, и натопят их сильно, и разденутся, и будут наги, и обольются мытьем, и возьмут веники, и начнут хлестаться, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это постоянно, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то творят не мытьем себе, а мученьем» [7].

Очевидно, что в этом впечатлении апостола о новгородском обычае есть оценка. А в ней отношение к нижегородцам. Мы не поймем сути этого отношения, если не примем во внимание оппозицию между киевлянами и новгородцами. Судя по всему, автор предания о путешествии на Русь апостола Андрея, представляет интересы киевлян. Автор ставит перед собой задачу продемонстрировать приобщенность русской земли к учению Христа. Посещение апостолом Андреем Руси – свидетельство такой приобщенности. Это показатель христианской

Историческая культурология и история культуры

идентичности славян. Однако очевидно, что из всех территорий апостол выделяет именно киевскую землю, на которой он и ставит крест. Отныне славяне становятся христианским народом.

А вот что касается Новгорода, то получается, что они предстают еще во многом язычниками, раз позволяют себе такой странный обряд омовения. Здесь явно ощущается осмеяние этого обряда, но в то же время и самих новгородцев. Таким образом, фиксируемая в «Повести временных лет» легенда свидетельствует не просто об оппозиции между киевлянами и новгородцами, а об оппозиции между Великороссией и Малороссией.

Именно так толкует эту легенду Е. Голубинский, комментируя ее киевскую версию. «Принадлежа Малороссии, редакция (редакция летописи – Н. Х.) имеет целью наполовину прославление Киева, на горах которого апостол водрузил крест, наполовину же осмеяние великорусского Новгорода, в котором он чудился странным великорусским баням. Известно, что наши области любили смеяться одна над другою и насочиняли одна про другую множество насмешливых сказаний и присловий; известно, что в особенности любили, как и до настоящего времени любят, смеяться одна над другою две большие области – великорусская и малорусская. Редакция повести об апостоле Андрее, помещенная в летописи, представляет собою образец таких насмешливых сказаний малороссов о великороссах. Малоросс, у которого нет наших великорусских бань и для которых эти бани составляют крайне смешную странность, со своим прославленным юмором говорит в повести Великороссу: быв у нас в Киеве, апостол из рек пророчество, благословил горы и поставил на них крест, а у вас в Новгороде только подивился на вашу хитрую выдумку самим себя сечь и мучить, о чем рассказывал даже в Риме» [8].

Будучи прочитанной, данная редакция предания в киевской летописи имела резонанс. И не могла не иметь, ведь новгородцы поняли суть такой интерпретации и скрытую в ней насмешку. Они не могли не отреагировать на такую насмешку. Но в данном случае такая реакция получает выражение уже не в обряде. Она выражается в формах письменности. Так появляется новгородская редакция древнерусской летописи.

Смысл этой редакции Е. Голубинский передает так: «Естественно, что новгородцы не желали остаться осмеянными. И вот, в ответ на киевскую редакцию повести явилась редакция новгородская. Не хотел или не умев ответить на насмешку одинаковою насмешкой, новгородцы вознаграждают себя тем, что стараются возвысить себя над киевлянами. Говоря о Киеве то же, что и выше, редакция новгородская умалчивает о банях новгородских и вместо того говорит, что в области новгородской апостол проповедовал слово Божие и оставил на благословение свой жезл. То есть новгородцы отвечают в своей редакции киевлянам: у вас в Киеве апостол ограничился только тем, что поставил крест на пустых горах, у нас же сделал гораздо больше, заявил к нам свое благоволение более осязательным образом» [9].

Можно только удивляться, как глубоко в историю уходят корни этой сохраняющейся вплоть до сегодняшнего дня оппозиции, принимающей сегодня столь драматический оборот. В эпоху массовой коммуникации больше не пишут летописей. Однако архетипические дуальные формулы продолжают владеть массовым сознанием. Оппозиция великороссов и малороссов по – прежнему актуальна. В этом можно убедиться, открывая интернет. Здесь публичное обсуждения каждого события, связанного с Украиной, провоцирует эту оппозицию.

Например, в момент написания этого текста автор обнаружил в интернете такое суждение: «Жалко хохлов, из-за кучки идиотов при деньгах и власти страдает вполне дружелюбный народ. Но, с другой стороны, – не сами ли они себе такую власть выпестовали?». Вступивший в дискуссию человек, подхватывает реплику и пишет: «Жалко вас, москалей. Сколько лет вы в Европу, США, Канаду, Австралию ездили, а живут там до сих пор только дети ваших высших чинов. Вроде много ездили, как живут люди, видели, но так... и не поняли. Оставайтесь в своем полufeодальном строе с царем – батюшкой. Уже не долго вам мучиться, а Китаю ждать назад свою Манчжурию».

Невозможно не отметить, что эта оппозиция сегодня разворачивается в формах информационного противостояния, все более утрачивающего игровую, а, следовательно, и культурную природу. Она принимает военный характер. Сформировавшиеся в культуре механизмы изживания враж-

ды и недоверия перестают действовать. И в самом деле, начинает казаться, что в данном случае культура бессильна. Она бессильна, если в высших эшелонах власти по – прежнему не отдают отчета в том, что же такое культура и к чему она призвана. Ее отождествляют исключительно с видами искусства. В этом случае выходом кажется военное столкновение, а значит, человеческие жертвы.

Таким образом, публичность – это форма коллективного поведения определенного сообщества, подразумевающая возможные реакции каких-то других сообществ, способных выносить оценки не только публичным актам, но и любым проявлениям жизни данного сообщества. «Они» – это представители другого поселения или города, которые оказываются латентными зрителями демонстрируемой публичной жизни. Собственно, эта латентная закономерность просматривается в контактах между целыми государствами и цивилизациями.

3. Театральность как признак публичного поведения.

Если этих подразумеваемых зрителей – «они» иметь в виду, то очевидно, что публичность предстает синонимом театральности. Ведь «они» – это есть то, что применительно к театру называется аудиторией. Но если есть аудитория, зрители, публика, то есть и театральное представление. Аналогия между сценой и публичной акцией позволяет выявить театральный смысл публичности, т.е. очень важный ее признак. Это, стало быть, такое состояние, которое выделяется из повседневного течения жизни. То, что в повседневной жизни приглушено, вытеснено осуществлением необходимых для выживания человеческих сообществ видов серьезной деятельности, выходит на первый план, становится самоценным.

Это особенно очевидно в случае праздного класса. В качестве иллюстрации можно было бы сослаться на культуру галантного века, в которой публичность утверждалась как исключительно праздность, в своем противопоставлении труду [10]. На основе этого противопоставления возникает целая субкультура, в которой парикмахеры и портные играли далеко не последние роли. Стремление поразить роскошью костюма –

это одно из ярких проявлений публичности галантного века. Но к одежде и прическе как непрременных атрибутов публичности следовало бы еще добавить маску и косметику. Обращение к ним позволяет выявить в публичности именно ее театральную, игровую природу, что проявлялось в распространении в дворянской субкультуре балов, маскарадов и других форм интенсивной публичной жизни праздного класса.

Не это ли обстоятельство, свидетельствующее о том, что каждый конкретный социум оказывается наблюдаемым со стороны, т.е. со стороны сообщества – соседа, предстающего в данном случае аудиторией, постоянно вызывает к жизни параллели между обществом и театром? Социальность мыслится по образцу театра, в котором каждый человек непременно обязан играть какую – то социальную роль. Тут – то как раз и выявляется расхождение между реальностью и идеалом, а также способность каждого общества создавать свои идеалы в их конкретном проявлении и тиражировать их, способствовать членам общества соответствовать идеалам. Следовательно, каждое общество – это не только эмпирически воспринимаемые люди, но и исполнители каких-то возникших в их сознании ролей, часто героических.

Так, Э. Фукс констатирует стремление современников Французской революции подражать античности, что проявилось, в том числе, и в новой одежде. «Здесь – пишет Э. Фукс – действовали те же вышеизложенные причины, которые сделали идеалом нового человека именно человека античной древности. Так как люди нашли в Древнем Риме то героическое поколение, которым сами хотели стать, то они и переняли его костюм» [11].

Но если есть возможность постичь социум с помощью театра, то ведь возникновение и смысл театра также не постигается вне социума. Театр – это такой культурный механизм, который транслирует идеальные образцы для подражания. Конечно, эти образцы далеки от жизни. Но они – образцы, и, ориентируясь на них, люди поддерживают и свою идентичность, т.е. создают себя и в то же время творят социум. Только на этот раз такие образцы находятся не в самой жизни, а предстают в специфическом пространстве, которое тоже является публичным.

Историческая культурология и история культуры

Так, фиксируя воздействие театра на поведение человека в русском обществе в начале XIX века, Ю. Лотман пишет: «Между тем, в начале XIX века грань между искусством и бытовым поведением зрителей была разрушена. Театр вторгся в жизнь, активно перестраивая бытовое поведение людей. Монолог проникает в письмо, дневник и бытовую речь. То, что вчера показалось бы напыщенным и смешным, поскольку предписано было лишь сфере театрального пространства, становится формой бытовой речи и бытового поведения» [12].

4. Стихия подражания как стихия публичности.

Затрагивая вопрос о взаимодействии обществ по принципу «мы» и «они», важно иметь в виду не только контакты между разными социальными общностями, скажем, разными поколениями, но и контакты, имеющие место внутри одного поселения или одного социума. Ведь в поздней истории общество – это сословное общество, а, следовательно, между ними существует как притяжение, так и отталкивание. С одной стороны, как утверждал еще Г. Тард, общество – это стихия подражания, что демонстрирует принцип притяжения. Это особенно проявляется в феномене моды, распространяющейся в европейских обществах, где, как он пишет, «необычайное развитие всякого рода моды, моды по отношению к одежде, пище, жилищу, потребностям, идеям, учреждениям, искусствам, ведет к превращению всего населения Европы в людей, представляющих собою издание, набранное одними тем же шрифтом и выпущенное в нескольких сотнях миллионов экземпляров» [13].

Г. Тард фиксирует феномен подражания, на основе которого возникает мода применительно уже ко всему человечеству, что возможно лишь в поздней истории. Но феномен подражания можно фиксировать внутри каждого общества. В сословном обществе всегда выделяются какие – то слои населения, которые в своем развитии опережают остальные слои, вызывая к жизни особую культуру, к которой какое – то время другие слои населения еще не были приобщены. Такую культуру вызвали к жизни дворяне. Т. Веблен утверждает, что праздничный класс тиражирует образцы поведения в

другие слои общества [14]. В границах этого праздного класса возникают особые формы публичности, к которым другие слои населения не допускаются.

Проходит какое – то время. Начинает активизироваться средний класс. Он усваивает формы публичности, имитирующие публичность в ее аристократических и дворянских формах. «В верхних слоях бюргерства, и в особенности в восходящей группе капиталистов, духовное порабощение абсолютизмом выражалось в том, что двор стал единственным и высшим масштабом поведения, – пишет Э. Фукс – Здесь проявляется высший вкус, здесь можно найти формулы для всего, что считается благовоспитанностью. И подобно тому, как мелкие государи подражали более ослепляющим носителям абсолютизма, так бюргерство в каждой стране подражало обычаям, нравам и моде, царившим при дворе» [15].

Стремясь быть уважаемыми в обществе людьми, герои романа А. Писемского «Мещане» – предприниматели и деловые люди XIX века, подражая дворянам, носят военную одежду. Герой романа – дворянин Бегушев обращает внимание на то, что в итальянской опере стало преобладать население Замоскворечья. Вообще, жители тверского бульвара, Большой и Малой Никитской, т.е. дворяне перестали играть «первую скрипку» не только в действительности, но и в культуре. Их все больше теснили жители Таганки и Якиманки [16].

Так, по типу дворянского клуба создаются клубы, в которых собираются и консолидируются представители купечества, т.е. русского третьего сословия. Главная особенность клуба состоит в его способности объединять людей, обычно представителей какого-то сословия. Впервые клубы появились в Англии в XVII веке. Люди объединялись в клубы не только по сословным и партийным (политическим) признакам, но и по профессиональным (дипломаты, преподаватели университетов, военные, рабочие, ремесленники и т.д.). Клубная жизнь по английскому образцу распространялась повсюду. Правда, каждая страна вносит в его функционирование свои акценты. Скажем, американский клуб сильно политизирован. В Германии клуб ассоциируется с увеселительным обществом. Однако этим его смысл не исчерпывается. Например, путешествуя по Германии, Н. Карамзин

описывает лейпцигские клубы или, как он выражается, «особливые ученые общества» («Там говорят об ученых или политических новостях, судят книги») [17].

В России история клубов начинается с ассамблей Петра I. Но с самого начала из них изгонялась всякая политика, они преследовали сформулированную в уставе чисто досуговую цель: доставить возможность знакомым людям сходиться и «рассуждать о своих делах или о чем-либо другом, осведомляться о домашних и чужестранных новостях и препровождать таким образом с приятностью время» [18]. По мнению М. Пыляева, самым «степеннейшим» клубом в Петербурге был Английский клуб [19]. Иногда взаимоотталкивание разных сословий достигает крайних форм, и тогда власть стремится вызвать к жизни формы публичности, которые бы смягчали это взаимоотталкивание и утверждали взаимоприятие и единение. Таким образом, каждый раз в зависимости от состояния общества и его взаимодействия с другими обществами публичность конституируется специфическим образом, втягиваясь в стихию и отталкивания, и притяжения.

5. Социальные функции публичности: публичное поведение и восполнение эмоционального дефицита.

По сути, когда мы говорим о публичности, то следует иметь в виду свободное время, досуг, в пространстве которого и предпринимаются публичные акции. Человек же, освобожденный от производственной деятельности и неизбежных в повседневной жизни разного рода забот, способен открыть шлюз свободного игрового и эмоционального самовыражения, чего в том пространстве, которое его делает функциональным и утилитарным, ему недостает. Вот почему купцы, съезжающиеся на ярмарки, предавались разгулу в его крайних формах. А недостает ему чаще всего эмоционального самовыражения. В обычной жизни возможен даже сенсорный голод.

Поэтому поведение человека в досуге связано с устранением этой эмоциональной недостаточности. В этой ситуации человек испытывает эмоциональное насыщение [20]. Собственно, именно этот психологический феномен как раз и связан с тем, что обычно подразумевают под

развлечением, которое тоже является существенным признаком публичности. Развлечение – это проявление гедонистической потребности, когда человек, ощущающий в эпоху предпринимательства и коммерциализации отчуждение и от своего труда, и от общества, на какое – то время оказывается свободным и делает то, что ему приятно, от чего он получает удовольствие.

Утвердившись в эпикуровском, т.е. гедонистическом значении публичного пространства, обратимся к такой распространенной его форме как ярмарка. Достаточно ознакомиться с описанием того, как функционируют ярмарки, чтобы понять, что на них не только торговали и предлагали разнообразные товары, но веселились и развлекались. Прежде всего, конечно, представители купеческого сословия. Поскольку ярмарка является средством сбыта произведенных на фабриках или мастерских товаров. Если дворянская субкультура демонстрирует разрыв между праздностью и деятельностью, то купеческая субкультура их совмещает. Для купца ярмарка – не просто способ увеличить свое состояние, но и изжить психологический дискомфорт, что накапливается на их фабриках, в их конторах и магазинах, избавиться от нарастающего утилитаризма. Не случайно ярмарки становились местами, где возникали трактиры и рестораны, но, в том числе, выставки, театр, цирк и эстрада [21].

Несомненно, эти ушедшие в прошлое и вытесненные магазинами формы были яркими образцами манифестации публичности. Они осуществляли самые разные функции, среди которых развлекательная функция явно не была периферийной. Однако это удовольствие от эмоционального насыщения в ситуации публичности многократно усиливается. Это происходит потому, что развлекающийся человек не перестает быть социальным существом. Удовольствие от эмоционального самовыражения становится тем сильнее, чем в большей мере оно зависит от осознания того, что это самовыражение происходит коллективно. Человек, ощущая себя частью коллектива, точнее, толпы, в которой он пребывает, оказывается уже как бы другим человеком, более могущественным, уверенным и сильным [22].

Историческая культурология и история культуры

Здесь невозможно не отметить, что потребность в развлечении никогда не удовлетворяется отдельно от остальных базовых потребностей. Вот, скажем, современный политизированный человек испытывает потребность в информации, что во многом определяет и возникновение, и функционирование всех существующих медиа. Но можно ли утверждать, что эта потребность в информации удовлетворяется безотносительно к другим потребностям, в том числе, потребности в развлечении? Так, констатируя невротическую одержимость новостями современного человека, Н. Луман утверждает, что уже в ранней прессе новости излагались в занимательной форме, и различий между новостями и развлечением не было [23].

Ту же самую неразличимость можно констатировать в отношениях между развлекательной и художественной сферой. Очень часто одно принимается за другое, одно является продолжением другого. Тем более, что, оказываясь сферой демонстрации публичности, искусство функционирует в публичных формах. Музыка, театр, живопись, кино часто функционируют в контексте праздничных, выставочных и фестивальных акций, а, следовательно, реакции на них происходят в форме публичности. Художественная жизнь есть жизнь публичная, а художник предстает наиболее очевидным образцом публично-го человека.

Вот почему некоторых режиссеров, музыкантов, актеров люди считают не только исполнителями каких – то ролей, но выразителями общественных настроений, далеко выходящих за пределы общения с искусством. Это то, что сегодня происходит с восприятием А. Макаревича или М. Пореченкова. Однако некоторые режиссеры и писатели сознательно играют роль публичных фигур, принимая участие в политических акциях, о чем свидетельствует деятельность А. Проханова или Н. Михалкова. В свою очередь, профессиональные политики, руководители политических партий охотно берут на вооружение те амплуа, которые давно отшлифованы в художественных сферах и с их помощью добиваются широкой общественной признательности. Ярким примером этого является политическая деятельность В. Жириновского.

6. Публичность с точки зрения феномена синтонии.

Поскольку можно фиксировать столь очевидное взаимопроникновение художественного и развлекательного, художественного и публичного, то такая же зависимость существует между развлечением как проявлением публичности и потребностью в эмоциональном насыщении и удовлетворении. Однако имея в виду потребность в развлечении этой потребности в формах публичности, невозможно не говорить также и о сопутствующем ей удовлетворении в эмоциональном контакте с другими людьми. Эта потребность многое означала для человека в архаических обществах, когда индивид еще не отделился полностью от какого-то коллектива.

К. Обуховский констатирует так называемый феномен синтонии, т.е. некое внешнеинтеллектуальное созвучие с другими, когда человек ощущает себя объектом заинтересованности и симпатии со стороны других [24]. Отсутствие такого контакта с другими порождает неуверенность, чувство одиночества, как это изображено в новелле Э. По «Человек толпы». Герой успокаивается лишь тогда, когда оказывается в толпе. Изучая жизнь улицы, а, соответственно, и публичной жизни, в которой принимали участие дворяне, коммерсанты, юристы, лавочники, биржевые маклеры и обыватели, рассказчик обращает особое внимание на человека преклонных лет, который оживлялся и успокаивался лишь тогда, когда растворялся в толпе, в людской сумятице и сутолоке, становясь ее частью [25].

Любые препятствия на пути к достижению синтонии могут привести к формам отклоняющегося поведения. Так, чувство отверженности приводит к деформации личности, к неврозам, к развитию комплекса неполноценности, что может обернуться хулиганством, преступлением, стремлением преодолеть этот комплекс с помощью приближенности к власти и т.д. Помехи в установлении синтонии в границах, например, семьи, приводят к возникновению подростковых групп, радикальных, нигилистически настроенных молодежных субкультур, свидетельствующих о негативных процессах и распаде социума.

Таким образом, публичность – это феномен, заслуживающий того, чтобы его рас-

смаатривать с точки зрения функционализма как одной из авторитетной социологической теории. Одной из забот гармоничного социума является соотносительность его установок с установками каждого индивида. В архаических обществах эта соотносительность еще не предстает драматической. Публичность – прежде всего это социальность, а личность реализует свой потенциал именно в социуме. Личность и созидает социум, и сама творится социумом. Как производное от социума и как элементарное его выражение публичность осуществляет разные функции.

Во-первых, как уже отмечалось, смысл публичности более всего очевиден в сопоставлении с театральностью, зрелищностью и праздничностью. Это утверждение социума в его парадной, театральной и коллективной форме. Это реализация человеком себя в пространстве досуга, свободного времени. Следовательно, налицо рекреативная функция публичности как основа любой формы игрового, т.е. более свободного проявления человека, в том числе, художественного, даже если человек предстает не творцом, а пассивным потребителем. К перечисленным функциям следовало бы еще добавить социализирующую функцию публичности, диктующую человеку поступать в соответствии с разделяемыми в обществе нормами. Разумеется, это не исключает того, что публичность в одно и то же время может представлять демонстрацией престижа, т.е. демонстрирует гипнотически воздействующие на разные слои населения образы.

7. Пространство и время публичности: праздничный аспект.

Обращение к архаическим эпохам в творении социума позволяет также затронуть и еще одну связанную с публичностью острую современную проблему. Выявление функций публичности ориентирует на обсуждение вопроса, связанного исключительно с публичным пространством. Однако на всех стадиях становления социума пространство, в котором совершалась манифестация публичности, было тесно связано со временем. Пространство и время были признаками целостного мировосприятия архаического человека. Ведь манифестация единства

сообщества, происходящая в строго установленном пространстве, диктовала и свершение публичных ритуалов в одном времени. Время демонстрации публичности – это выпадение из физического времени. Это праздничное или даже мифологическое время.

Было уже отмечено, что манифестация публичности разворачивается как театрализация и носит игровой характер. Но публичность в еще большей степени характеризует то, что это праздничная акция. Но праздничное время – это сакральное время. Поскольку же в архаических и традиционных культурах праздник имел место лишь в определенное время года, то и манифестация публичности могла иметь место лишь в строго закрепленное для этого время, т.е. в праздничное время. В традиционной культуре такое время имело весьма немалый объем. Так, изучая, например, праздничное поведение в русской крестьянской среде в XIX – начале XX веков, Т. Бернштам приходит к выводу о том, что количество праздничных дней в году (с незначительными вариациями по областям) достигало 150 дней [26].

Этот механизм традиционной культуры явно отвечал потребности и в публичности, и в преодолении эмоционального дефицита. Вообще, традиционная культура решала вопрос преодоления эмоционального дефицита весьма мудро. Так, в дополнение к наблюдениям Т. Бернштам можно было бы еще сослаться на исследователя архаических праздников Л. Абрамяна, утверждающего, что число праздничных дней у различных народов может сравниться и даже превышать число дней повседневной трудовой жизни [27].

Естественно, что как один из признаков публичности праздничность позволяет вскрыть ритуальную природу публичности, а, следовательно, зависимость проявлений публичной жизни от времени. Но время и пространство тесно между собой связаны. Так, упомянутая форма публичности – ярмарка связана не только с конкретным местом и пространством, но и с конкретным временем. Ярмарка соотносима с праздничным календарем [28].

Стремясь рассмотреть проблематику публичного пространства в его современных проявлениях, мы уже касаемся предыстории и истории этого феномена. Наше об-

Историческая культурология и история культуры

ращение к архаическим и традиционным праздничным формам иллюстрирует эту предысторию. Но как выявить функции публичности, если ее не рассматривать в соответствии с возникновением разных форм социума и тех потребностей, которые в связи с этим возникают? На поздних этапах истории эта связь публичности с фундаментальными потребностями социума утрачивается. Она словно не существует и не является значимой. Чтобы ее выявить, необходимо обратиться к структуре архаического общества.

Другое дело, что по мере развития истории и возникновения социума нового типа ранние и традиционные формы публичности разрушаются или вытесняются на периферию и умирают. Но поскольку эти формы все же являются формами культуры, а культура, как известно, феномен консервативный, то традиционные формы публичности даже если в какую-то эпоху и забываются, тем не менее, в соответствующих ситуациях способны возрождаться. Для нашего исследования о современных формах публичности это наиболее интересный сюжет. Ведь очевидно, что технологии блистательно разрешают проблемы социума, способствуя утверждению новых виртуальных форм публичности. Тем не менее, из культуры не исчезают и самые архаические формы публичности, о чем, например, свидетельствует насыщенность нашего времени праздниками и фестивалями [29].

Другое дело, что из этих традиционных форм публичности уходит игровой дух, но это уже касается состояния современной культуры, из которой, как утверждает Й. Хейзинга, несмотря на обилие новых игровых форм, исчезает сама суть игры, что характеризует ситуацию не только состояния социума, но и состояния культуры на одном из этапов ее истории, когда цивилизационное начало расширяется и подавляет культуру, превращает ее в свою служанку. Похоже на то, что сегодня, в эпоху фантастического распространения форм публичности, ставших возможными на основе технологий, именно это и происходит. Грандиозные технологические сдвиги лишь свидетельствуют о том, что человечество уже давно существует в том отрезке культуры, который О. Шпенглер обозначил как период цивилизации.

8. Оппозиция публичного и частного как наиболее оптимальное условие для определения публичности.

Подразумевая под публичностью и театральность, и игровой характер, и праздничность, можно уже утверждать, что публичность репрезентативна не только для социума, но это значимый механизм культуры. Если мы не сопоставим современную ситуацию с формами манифестации, имевшими место в ранние эпохи, то мы не будем иметь ключа к острейшей проблеме соотношения публичности и частности, которая становится острейшей проблемой нашего времени и может быть показательной для того положения, в котором на рубеже XX-XXI веков находится личность. Собственно, само понятие «публичность» можно определить, лишь противопоставляя этот феномен тому, что публичностью не является. Иначе говоря, это явление – производное от оппозиции «публичное – частное».

Эта оппозиция существенна, в том числе, и для современного градостроительства. Так, Д. Джекобс, углубляясь в весьма противоречивое бытие современных горожан Америки, утверждает: чтобы улицы большого города были способны выдерживать наплыв незнакомцев, необходимо четко разграничивать публичное и частное пространство города [30].

Но оппозиция «публичное – частное» становится реальной лишь на том этапе истории социума, когда индивид обретает самостоятельность, становясь по отношению к коллективной стихии и, соответственно, к социуму относительно самостоятельным. Иначе говоря, когда социальность в форме публичности уже не исчерпывает его сознания и поведения. Появление частной сферы есть следствие возникновения свободы индивида от предстоящих в публичности коллективных связей. Возникновение частности приводит к пониманию публичности. Эта столь знакомая нам сегодня оппозиция стала реальной, как пишет Р. Сеннет, к концу ХУП века («Публичное означало открытое для всеобщего рассмотрения, тогда как «частное» подразумевало укромную сторону жизни, ограниченную семьей и друзьями») [31].

Проблема соотношения публичного и частного приобретает особую значи-

мость, если иметь в виду то, что под публичным подразумевается культурное, а под частным – природное начало, что особую актуальность приобретает также с XVIII века, когда прогресс цивилизации, а также и прогресс оказываемой под воздействием цивилизации культуры приводит к наращиванию утилитарности и полезности, а, следовательно, и к ущемлению чувственного мира человека, который и ассоциируется с природой. С этого времени природное приобретает позитивные коннотации, а культурное с легкой руки Ж. – Ж. Руссо становится предметом критики.

Тем не менее, если публичность мыслить как культуру с присущей ей семиотичностью и ритуализацией, то частная сфера тоже, как и публичная способна театрализоваться. Так произошло с дворянской культурой в России XVIII века, когда дворяне активно усваивали свойственный западной культуре язык бытового поведения. Как утверждает Ю. Лотман, языку бытового поведения следовало учиться. Поведение дворянина в быту приобретало театральные формы. «Для русского XVIII века – пишет Ю. Лотман – исключительно характерно то, что дворянский мир ведет жизнь – игру, ощущая себя все время на сцене, народ же склонен смотреть на господ как на ряженых, глядя на их жизнь из партера» [32].

Архаический человек не знал, что такое частность. Частность стала проблемой современных, а, следовательно, секуляризи-

рованных обществ, тех обществ, в которых эмансипация личности обернулась индивидуализмом. Этот процесс начинается уже в античности. Обратимся, например, к истории чтения книг. На ранних этапах античной культуры чтение книг оказывалось чтением вслух, а, следовательно, предполагало присутствие других читателей. Процесс чтения моделировал устную коммуникацию, которая была публичной коммуникацией. Так, исследователи утверждают, что чтение в античности во многом оставалось формой общественной, а не частной жизни. «Чтение в одиночестве уже было тогда известно – пишут Г. Кавалло и Р. Шартъе – Но если верить редким иконографическим и литературным свидетельствам, дошедшим до нас, широкого распространения не получило» [33].

Иная ситуация складывается в эллинистическую эпоху. Чтение вслух уступает форме чтения, показательной для частной жизни. «От чтения как формы общественной жизни, свойственной греческому полису, люди перешли к чтению как внутреннему поиску и способу уйти в себя, что в полной мере отражает культурное поведение и направления мысли, свойственные эллинистической цивилизации» [34]. В наше время, наоборот, не устная коммуникация определяет письменную, что определило чтение книги вслух, а, наоборот, письменная коммуникация более соответствует частной жизни, обособляющейся от жизни публичной.

Библиография:

1. Абрамян Л. Первобытный праздник и мифология. Ереван. 1983;
2. Бернштам Т. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX-начало XX в.) // Этнические стереотипы поведения., Л. 1985;
3. Бернштам Т. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX-начала XX в., Л. 1988;
4. Библиотека литературы Древней Руси., т. 1. XI-XII века. СПб., 1997;
5. Булгаков С. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997;
6. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984;
7. Голубинский Е. История русской церкви. т. 1., Период первый, киевский или домонгольский. 1 пол. тома. М. 1901;
8. Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских годов. М. 2011;
9. Джекобс Д. Закат Америки. Впереди Средневековье. М., 2007;
10. Додонов Б. Эмоция как ценность. М., 1978;
11. Зедльмайр Х. Утрата середины. М., 2008;
12. Золотарев А. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964;
13. Зомбарт В. Современный капитализм. т. 2. М., 104;
14. История чтения в западном мире от античности до наших дней. М., 2008;
15. Карамзин Н. Письма русского путешественника. Л., 1984;

Историческая культурология и история культуры

16. Каннети Э. Масса и власть. М., 1997;
17. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995;
18. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983;
19. Лотман Ю. Театр и театральность в строе культуры начала XIX века // Лотман Ю. Избранные работы в 3-х т., т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн. 1992;
20. Лотман Ю. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Избранные работы в 3-х т., т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн. 1992;
21. Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005;
22. Московское купеческое собрание. Исторический очерк. М., 1914;
23. Мельников А. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки. 1817-1917. Нижний Новгород. 1917;
24. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 2005;
25. Ницше Ф. Сочинения в 2-х т., т. 2., М., 1990;
26. Обуховский К. Психология влечений человека. М., 1972;
27. Писемский А. Собрание сочинений в 9 т., т. 7., М., 1957;
28. По Э. Полное собрание рассказов. М., 1970;
29. Платон. Сочинения в 3-х т., т. 2., М., 1970;
30. Рэдклиф-Браун А. Структура и функция в примитивном обществе. М., 2001;
31. Руссо Ж. – Ж. Письмо д, Аламберу о зрелищах // Руссо Ж. – Ж. Избранные сочинения в 3-х т., т. 1. М., 1961;
32. Сеннет Р. Падение публичного человека. М., 2002;
33. Снегирев А. Русские в своих пословицах. М., 1834;
34. Сигеле С. Преступная толпа. М., 1998;
35. Тард Г. Законы подражания. М., 2011;
36. Теннис Ф. Общность и общество. СПб., 2002;
37. Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999;
38. Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. Галантный век. М. 1994;
39. Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. Буржуазный век. М., 1964;
40. Хренов Н. Человек играющий в русской культуре. СПб., 2005;
41. Хренов Н. Пределы эскалации коммуникативных технологий: ностальгия по площади // Культура и искусство. 2014., № 1-2;
42. Хренов Н. Зрелища в эпоху восстания масс. М., 2006;
43. Чаадаев П. Статьи и письма. М., 1989; Чарский В. Художественный театр // Кризис театра. 1908;
44. Щепанская Т. Молодежные сообщества // Современный городской фольклор. М., 2003
45. А. В. Толстокорова Пространственная эмансипация украинских женщин как способ освоения публичного пространства // Культура и искусство. – 2012. – 5. – С. 46-58.
46. Хренов Н.А. Модернизационные процессы на рубеже XX–XXI веков и судьба традиционных ценностей // Культура и искусство. – 2013. – 5. – С. 544-555. DOI: 10.7256/2222-1956.2013.5.9570.
47. А. В. Толстокорова Пространственная эмансипация украинских женщин как способ освоения публичного пространства // Культура и искусство. – 2012. – 5. – С. 46 – 58.
48. Хренов Н.А. Модернизационные процессы на рубеже XX–XXI веков и судьба традиционных ценностей // Культура и искусство. – 2013. – 5. – С. 544 – 555. DOI: 10.7256/2222-1956.2013.5.9570.
49. А. В. Толстокорова Пространственная эмансипация украинских женщин как способ освоения публичного пространства // Культура и искусство. – 2012. – 5. – С. 46 – 58.
50. Хренов Н.А. Модернизационные процессы на рубеже XX–XXI веков и судьба традиционных ценностей // Культура и искусство. – 2013. – 5. – С. 544 – 555. DOI: 10.7256/2222-1956.2013.5.9570.

References (transliterated):

1. Abramyan L. Pervobytnyi prazdnik i mifologiya. Erevan. 1983;
2. Bernshtam T. Budni i prazdniki: povedenie vzroslykh v russkoi krest'yanskoi srede (KhKh-nachalo KhKh v.) // Etnicheskie stereotipy povedeniya., L. 1985;

3. Bernshtam T. Molodezh' v obryadovoi zhizni russkoi obshchiny KhIKh-nachala KhKh v., L. 1988;
4. Biblioteka literatury Drevnei Rusi., t. 1. KhI-KhII veka. SPb., 1997;
5. Bulgakov S. Dva grada. Issledovanie o prirode obshchestvennykh idealov. SPb., 1997;
6. Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa. M., 1984;
7. Golubinskii E. Istoriya russkoi tserkvi.t. 1., Period pervyi, kievskii ili domongol'skii. 1 pol. toma. M. 1901;
8. Dzhekobs D. Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh godov. M. 2011;
9. Dzhekobs D. Zakat Ameriki. Vpered Srednevekov'e. M., 2007;
10. Dodonov B. Emotsiya kak tsennost'. M., 1978;
11. Zedl'mair Kh. Utrata serediny. M., 2008;
12. Zolotarev A. Rodovoi stroi i pervobytnaya mifologiya. M., 1964;
13. Zombart V. Sovremenniy kapitalizm.t. 2. M.,104;
14. Istoriya chteniya v zapadnom mire ot antichnosti do nashikh dnei. M., 2008;
15. Karamzin N. Pis'ma russkogo puteshestvennika. L., 1984;
16. Kanneti E. Massa i vlast'. M., 1997;
17. Lebon G. Psikhologiya narodov i mass. SPb., 1995;
18. Levi-Stros K. Strukturnaya antropologiya. M., 1983;
19. Lotman Yu. Teatr i teatral'nost' v stroe kul'tury nachala KhIKh veka // Lotman Yu. Izbrannye raboty v 3-kh t., t. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. Tallinn. 1992;
20. Lotman Yu. Poetika bytovogo povedeniya v russkoi kul'ture KhUIII veka // Izbrannye raboty v 3-kh t., t. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury . Tallinn. 1992;
21. Luman N. Real'nost' massmedia. M., 2005;
22. Moskovskoe kupecheskoe sobranie. Istoricheskii ocherk. M., 1914;
23. Mel'nikov A. Ocherki bytovoii istorii Nizhegorodskoi yarmarki. 1817-1917. Nizhnii Novgorod. 1917;
24. Nitsshe F. Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vsekh tsennostei. M., 2005;
25. Nitsshe F. Sochineniya v 2-kh t., t. 2., M., 1990;
26. Obukhovskii K. Psikhologiya vlechenii cheloveka. M., 1972;
27. Pisemskii A. Sobranie sochinenii v 9 t., t. 7., M., 1957;
28. Po E. Polnoe sobranie rasskazov. M., 1970;
29. Platon. Sochineniya v 3-kh t., t. 2., M., 1970;
30. Redklif-Braun A. Struktura i funktsiya v primitivnom obshchestve. M., 2001;
31. Russo Zh. – Zh. Pis'mo d, Alamberu o zrelishchakh // Russo Zh. – Zh. Izbrannye sochineniya v 3-kh t., t. 1. M., 1961;
32. Sennet R. Padenie publichnogo cheloveka. M., 2002;
33. Snegirev A. Russkie v svoikh poslovitsakh. M., 1834;
34. Sigele S. Prestupnaya tolpa. M., 1998;
35. Tard G. Zakony podrazhaniya. M., 2011;
36. Tennis F. Obshchnost' i obshchestvo. SPb., 2002;
37. Toffler E. Tret'ya volna. M., 1999;
38. Fuks E. Illyustrirovannaya istoriya нравov. Galantnyi vek. M. 1994;
39. Fuks E. Illyustrirovannaya istoriya нравov. Burzhuaznyi vek. M., 1964;
40. Khrenov N. Chelovek igrayushchii v russkoi kul'ture. SPb., 2005;
41. Khrenov N. Predely eskalatsii kommunikativnykh tekhnologii: nostalg'iya po ploshchadi // Kul'tura i iskusstvo. 2014., № 1-2;
42. Khrenov N. Zrelishcha v epokhu vosstaniya mass. M., 2006;
43. Chaadaev P. Stat'i i pis'ma. M., 1989; Charskii V. Khudozhestvennyi teatr // Krizis teatra. 1908;
44. Shchepanskaya T. Molodezhnye soobshchestva // Sovremenniy gorodskoi fol'klor. M., 2003
45. A. V. Tolstokorova Prostranstvennaya emansipatsiya ukrainskikh zhenshchin kak sposob osvoeniya publichnogo prostranstva // Kul'tura i iskusstvo. – 2012. – 5. – С. 46-58.
46. Khrenov N.A. Modernizatsionnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov i sud'ba traditsionnykh tsennostei // Kul'tura i iskusstvo. – 2013. – 5. – С. 544-555. DOI: 10.7256/2222-1956.2013.5.9570.
47. A. V. Tolstokorova Prostranstvennaya emansipatsiya ukrainskikh zhenshchin kak sposob osvoeniya publichnogo prostranstva // Kul'tura i iskusstvo. – 2012. – 5. – С. 46 – 58.

Историческая культурология и история культуры

---

48. Khrenov N.A. Modernizatsionnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov i sud'ba traditsionnykh tsennostei // Kul'tura i iskusstvo. – 2013. – 5. – С. 544 – 555. DOI: 10.7256/2222-1956.2013.5.9570.
49. A. V. Tolstokorova Prostranstvennaya emansipatsiya ukrainskikh zhenshchin kak sposob osvoeniya publichnogo prostranstva // Kul'tura i iskusstvo. – 2012. – 5. – С. 46 – 58.
50. Khrenov N.A. Modernizatsionnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov i sud'ba traditsionnykh tsennostei // Kul'tura i iskusstvo. – 2013. – 5. – С. 544 – 555. DOI: 10.7256/2222-1956.2013.5.9570.